

УДК 94

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА). ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

В очередном очерке историко-футурологического анализа (см. предыдущие: «История Византийской Империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)» и «Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. (опыт историко-футурологического анализа и прогноза)» автор поставил, как сам отмечает, сверхзадачу. Но важно - начало. Как дерзкий взгляд на ускользающую вечность. Древняя Греция и Древний Рим. Вот они – главные истоки истории Европы и её современности. Автор оценивает переходный период Западной Римской империи к созданию варварских королевств Европы, как сложный синкретический процесс пространственно временного взаимодействия «старых» и «новых» этносов на фоне интенсивного формирования новой мировой религии – христианства, не исключая сильного влияния, кардинально изменяющихся общественно-производственных отношений.

Ключевые слова: история Европы, Древняя Греция, Древний Рим, античный мир.

Прежде всего обнаружилось, что древние, иррациональные и воинственные, расовые инстинкты сильнее всех новейших социальных интересов и гуманитарных чувств.

Н. Бердяев.

У человека не больше шансов вырваться из Настоящего, чем у рыбы, выпрыгнувшей из воды, взмыть в небо.

А. Тойнби

Как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода.

М.Блок

В третьем нашем очерке-эссе [2, 3], мы неожиданно вышли на уровень сверхзадачи: «История Европы: прошлое, настоящее, будущее». С точки зрения серьезных университетских историков – что может быть более фантастическим и авантюрным, как «втиснуть» историю Европы – этого центра земной цивилизации и средоточия философской мысли и технического прогресса (за период 2500 лет и более) – в несколько журнальных страниц? Пожалуй, с этим не справились бы даже великий

Юлий Цезарь (как идеал древнеримской лаконичности) и наш современник, оригинальный альтернативный математик-историк Фоменко. Да и мы (в данном случае – обозначенный сверху страницы автор) сильно не обольщаемся в успешном решении задачи. Важно, само по себе, начало. [1] Как дерзкий взгляд на ускользящую вечность.

Первый шаг в поисках горизонта обозримого исторического пространства на маленькой карте нашего воображения. В итоге, весьма вероятно, будет наш субъективный эскиз, где громадное число исторических событий и персон, судеб, трагедий, процессов и явлений, сфокусируется в виде скромного текста, претендующего отразить облик прошлого и настоящего, и заглянуть в будущее целого континента.

Как утверждал более чем 200 лет тому назад великий европейский мыслитель и поэт Иоганн Вольфганг Гете: *«Каждому человеку присуще рассматривать себя как центр мира, потому что ведь все радиусы исходят из его сознания и туда снова возвращаются. Можно ли поэтому вменять в вину выдающимся умам известное завоевательное стремление, какую-то жажду присвоения»* [7]. Разумеется, Гёте имел в виду, прежде всего собственное интеллектуальное завоевательное стремление. Но и менее выдающиеся умы тоже не избавлены страсти интеллектуального завоевательства – что встречается сплошь и рядом в любом пространстве бытия. Выдающийся русский философ Петр Чаадаев, в определенной степени развивая мысль Гёте, пояснил «жажду интеллектуального присвоения – завоевательского стремления» несколько иначе: *«В Германии плавают в океане отвлечений; немец там больше на просторе, больше дома, нежели на Земле. Невоздержанность мысли доведена в Германии до последней крайности, и это не странно: мысль отдельная, без применения, без телесности – что помешает её полету?»* [20].

Где же будет «точка отсчета» нашей (кратчайшей) истории Европы? Чтобы не терзаться в бесконечных поисках оснований и истоков, подойдем к

этому вопросу формально: «точка отсчета» будет достаточно условной и понятной для любого непосвященного – мы её обозначим как 2500 лет тому назад (не считая тех немногих лет, что мы прожили в начале XXI века или ранее 500 лет до нашей эры (до Р.Х.).

За «бортом» этой точки отсчета (уже без кавычек) сразу останутся многие важные исторические события, как, например, первые Олимпийские игры в Древней Элладе (776 год до н.э.), как год основания вечного города Рима (753 г. до н.э.), падение легендарной Трои (ок. 1270 г. до н.э.). Великий Гомер и первые философы. Не говоря уже о Крито-Минойской цивилизации (ок. 3000-1400 лет до н.э.), и тем более – о неолитических очагах Средиземноморской культуры, относящихся к V – VI тысячелетию до н.э. Потери значительные, но в наших условиях – вполне терпимые. Будем считать события, происходившие на территории Европы ранее 500 года до н.э. – предысторией и фундаментом дальнейшего исторического развития.

Конечно, для проведения историко-цивилизационных параллелей целесообразно было бы включить Крито-Минойское время в нашу историю Европы, и тогда мы бы имели в современниках Древний Египет, Шумеры, Мохенджо-Даро с Хараппой, а заодно и Древний Китай, невероятно усложнив себе задачу хронологических параллелей и синхронного развития культурных очагов Древнего Мира. Оставим этот вариант для последующих мысленных экспериментов (если не иссякнет жажда завоевания мыслительных пространств).

Итак: Древняя Греция и Древний Рим. Вот они – главные истоки истории Европы и её современности.

Кельты, скифы, германцы и славяне – они тоже есть, но бесписьменны. Их обозначают «варварами» (кто ближе, кто дальше, кто раньше, кто позднее – технические, точнее, хронологические детали в поиске степеней древности происхождения современных народов Европы)

С чего начнем? События, персоны? Осевое время?

Начнем с А. Тойнби: «На протяжении последних пяти тысяч лет война была одним из главных институтов человечества» [9, 16]. Трудно не согласиться. Особенно глядя на хронологическую таблицу цивилизации Древнего мира, античного времени, средних веков, нового и новейшего времени – большую часть этой виртуальной (но имеющей вполне реальные прототипы) таблицы составляет перечень дат военных событий, имен полководцев, описания битв, сражений и ратных подвигов.

Перед самой нашей (условно избранной) точкой отсчета, происходят два удивительно знаковых события, как для античного мира, так и для современной Европы. В 509 году до н.э. в вечном городе Риме происходит изгнание последнего царя Тарквиния Гордого и устанавливается новый политический строй – Республика. Впервые (по крайней мере – в римской истории) появляется Сенат из 300 старейшин.

В 508 году до н.э. – нечто подобное происходит в Афинах – архонт Клисфен производит реформы, предоставившие равные права всем свободным афинянам, и впервые избирается Совет из 500 наиболее влиятельных и активных афинских аристократов.

Если внимательно присмотреться к этим внешне похожим событиям, то можно разглядеть в них истоки современной европейской (и не только) системы республиканского устройства, избирательно права и парламентаризма. Именно то, чем гордится в настоящее время Европейский Союз и республиканские США, да и многие другие современные государства.

Любопытно то, что римляне чуть-чуть опередили афинян, и здесь можно усмотреть либо косвенное заимствование, либо, по крайней мере, республиканско-демократический импульс, который мог быть перехвачен афинскими купцами или представителями древних спецслужб города Афины и успешно доставлен в Элладу для последующей материализации архонтом Клисфеном. Но, возможно, все было иначе – Клисфен, задумав реформы,

долго обсуждал их с влиятельными согражданами Афин, в результате затянувшегося процесса обсуждения, идея управленческих реформ незаметно просочилась в Рим, и к тому же, знатных римских патрициев (вероятно, названных таковыми позднее) не устраивал царствующий Тарквиний – образовался заговор – римляне действовали быстро и решительно. Результат – приоритет создания республиканской формы правления и рождение Римского Сената. Сведения о римских событиях, достигшие вскоре (с помощью скоростных купеческих кораблей) вечного города Афины, послужили основанием началу реформ Клизфена и формированию прототипа афинской республиканской формы правления...

Вспоминая это романтическое время, современным парламентариям не следует забывать две простые вещи: республика того времени имела в своем фундаменте институт рабства, как основу производства всех благ и ценностей. Избирательное право было не всеобщим, и только для определенного круга лиц, небольшого и реально обозримого. Избиратели и избираемые хорошо знали друг друга и могли осуществлять вполне сознательный выбор.

Прошло немного лет и Древняя Эллада подверглась персидскому нашествию. Греко-персидские войны продолжались (с перерывами) целых полстолетия (500-443 гг. до н.э.). Эту военную эпоху подробно описал первый военный историк Древней Греции Фукидид (ок. 460 - ок. 400 гг. до н.э.) [18]. Но первым историком и географом исследователи Древней Греции считают все таки Геродота из Галикарнаса (490-430 гг. до н.э.) [6]. Он действительно был первым по отношению к Фукидиду и гораздо менее милитаризованным и академичным, а более образным и популярным. Разумеется, у Геродота тоже были свои предшественники, но это уже очень специальные вопросы и любознательных мы отсылаем к книге «Историописание в Древней Греции» [15].

В наше задачу не входит подробное и последовательное изложение хронологии событий, поэтому мы иногда будем делать «качественные и количественные скачки» в историческом времени на десятки, а порой и на сотни лет, оставляя пробелы в историческом времени или иначе «белые пятна в истории», в надежде на последующее обращение наших просвещенных читателей к хронологическим таблицам и фундаментальным трудам историков из разных эпох.

Познание исторического прошлого – процесс не одномоментный и всегда требует проникновения в большие объемы соответствующей информации, собственных критических размышлений и постоянного сравнительного анализа, основанного на целеустремленном внимании к научно-исторической достоверности.

Едва насладившись мирным временем, Эллада снова погрузилась с период затяжной Пелопонесской войны между Спартой и Афинами (431 - 404 гг. до н.э.). А во второй половине IV века наступило время гегемонии Македонии. Вначале Филипп, а затем его гениальный сын Александр Македонский (356 - 323 гг. до н.э.) творили греческую и всемирную историю. Об Александре Неудержимом написаны целые библиотеки [4, 12 и мн. др.]. Пожалуй, никто в истории не оставил после себя такой яркой легенды, не считая того, как далеко он продвинул границы эллинистического мира. Если бы он повернул на Запад, вместо того, чтобы идти на Восток – мы имели бы греческую империю место римской. Рим тогда еще не окреп и не смог бы противостоять фаланге и коннице Александра и его гению стратега.

На полсотню лет ранее [13] Рим едва не погиб от рук воинственных галлов. Счастье Рима оказалось в чутком сне гусей, вовремя разбудивших охрану...

Войны диадохов (наследников-полководцев Александра) [4, 12] создали целый мир новых государств, названный в последствии

эллинистическим. Этот мир просуществовал почти три столетия, а культурное наследие длилось почти до завоеваний вандалов и арабов.

Греческая культура оказалась удивительно живучей и заразной. Рим, латиняне, начали пропитываться греческим еще в четвертом веке, когда завевали греческие колонии на Апеннинском полуострове. Когда в середине II столетия до н.э. римляне завоевали Грецию – всё греческое стало заполнять лакуны римского, меняя не только быт, но и мировоззрение римлян. Греческие рабы были в Риме самыми дорогими, потому что были учеными, культурными, обученными ремеслу, воспитанными и дисциплинированными – молча ненавидели своих хозяев-римлян и считали их варварами (как впрочем и персов, скифов и многих других).

Но здесь мы забежали немного вперед и не рассказали о войнах Рима с Карфагеном. Именно в них окреп воинский дух и военная организация Древнего Рима. Карфаген был главный соперник Рима в борьбе за овладение Средиземным морем и его населенными побережьями.

Особенно туго пришлось Риму во второй Пунической войне (218 – 201 гг. до н.э.) Когда еще один гениальный полководец (как и Александр Македонский), командовавший вооруженными силами Карфагена переправился во владения Рима и нанес жестокое поражение Риму в битве при Каннах, где погибло более 50 тыс. римских воинов.

Немного не хватило дерзости и воинского везения Ганнибалу – он не поверил в успешную осаду Рима. И вскоре звезда Карфагена покатила к закату. В третьей Пунической войне Карфаген был осажден, взят римлянами и до основания разрушен. В том же году (146 год до н.э.) римляне нанесли очередное поражение грекам и до основания разрушили Коринф. И в том, и в другом случае идея была проста – запугать и лишить воли к возрождению финикийцев (Карфаген) и греков (Коринф).

После этих двух побед Рим был переполнен огромным количеством рабов (в те времена в значительной степени воевали за всевозможные трофеи

– золото, материальные ценности, товары широкого потребления и главное – за живую рабочую силу). Войны давали рабов, рабы производили материальные ценности. Рабы не имели человеческих прав или точнее, попадая в плен к завоевателям, они теряли все человеческие права, и превращались в безмолвных слуг и работников, а чаще всего – считались говорящим скотом и приравнивались к домашним животным. Таково было положение рабов в Риме в середине II века до н.э.

И конечно же, находились среди рабов отважные люди, которые не желали смириться с рабской участью, бежали или убивали своих хозяев, а иногда и поднимали настоящие восстания, вплоть до создания своих государств. Таковыми оказались восстания рабов на Сицилии (136-99 гг. до н.э.). Но самое сильное и известное в истории восстание рабов в Римской республике произошло в 73-71 гг. до н.э. под предводительством гладиатора Спартака [19]. Рим был ослаблен после жестокой гражданской войны со своими союзниками - италиками (90-88 гг. до н.э.), боровшимися за уравнение своих гражданских прав с римлянами, а также многолетними войнами с Митридатом VI (89-64 гг. до н.э.) [14], и в начале восстания недооценил воинскую дисциплину небольшой группы беглых рабов-гладиаторов, которых возглавил самый выдающийся раб-гладиатор и стратег своего времени Спартак, в результате продуманных действий превративший толпу беглых рабов в настоящую армию. Спартак – одна из самых ярких исторических личностей античного мира. Он мог бы взять Рим и отдать его на разграбление восставшим рабам, но он хотел дать рабам свободу, вывести их к своим родным краям, где они были раньше свободными людьми. Но не смог в этом убедить восставшие толпы разношерстных и разноязычных рабов. Остался с ними, смирившись с волей стихийной толпы (временами бывших дисциплинированными воинами). И в итоге – героическая гибель и поражение от превосходящих по численности и организованности римских

легионов. О гладиаторах и Спартаке – не мало замечательных книг, но самая ясная и доступная [19].

Видимо, это было время выдающихся личностей, творивших историю.

Юлий Цезарь, полководец и первый диктатор Рима (49-44 гг. до н.э.) оставил свой яркий след в истории Рима. Трагическая гибель Юлия Цезаря вызвала на суд истории еще одну не менее яркую личность (оценки историков на этот счет диаметрально расходятся). Это был его близкий родственник, пришедший в большую политику того времени в возрасте Александра Македонского, но с меньшими легитимными основаниями, потребовавшими от него немало изощренных приемов в борьбе за власть с более сильными противниками (один Марк Антоний чего только стоит!). Но Октавиан Юлий Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) оказался искусным политиком и организатором и сумел трансформировать ослабленную, раздираемую гражданскими войнами Римскую Республику в более жесткую и централизованную государственную структуру – в Римскую империю. Именно при Августе были сформированы все основные институты империи, просуществовавшие на Западе около 500 лет, а на Востоке – до 1453 года, т.е. до падения Константинополя [8].

Взлет Римской империи при Августе оказался, по странной воле исторической судьбы, началом её затяжного кризиса. Во главе империи стоял принцип абсолютной власти императора, но не было механизма или фильтра эффективного отбора достойных этой абсолютной власти (как впрочем, и во все времена – абсолютная власть оказывается в руках отдельных персон часто случайным образом и по прихоти затейливой Фортуны). Появились Калигулы, Нероны... Дух свободного республиканского римского общества IV-II веков до н.э. начал интенсивно деградировать. Говоря терминами Л.Гумилева – римский этнос начал стремительно терять свою пассионарность. Границы империи продолжали расширяться – воинов требовалось все больше – они уходили все дальше, и, как правило, не

возвращались – ветераны оседали на далеких от Рима завоеванных землях. Сам Рим – столица громадной империи – становился мегаполисом, городом-космополитом, переполненным многочисленными рабами и безработной римской беднотой, требовавшей хлеба и зрелищ. Необычайное развитие получили гладиаторские бои, проходившие много дней в году и в разных городах империи – где только не остались развалины римских амфитеатров – Римский Колизей – это всего лишь центральная арена гладиаторских боев. Амфитеатры поменьше существовали во многих городах Европы, Африки, Малой Азии.

Интенсивное разложение древних римских религиозных культов уже было заметно в конце II века до н.э. [5]

В I в. до н.э. и в I и II в. нашей эры этот процесс ускорился. Рим был переполнен почитателями самых диковинных религиозных культов.

Процесс религиозной эволюции в Римской империи замечательно ясно описан в лекционном курсе русского историка первой половины XIX в. С.В. Ешевского. Курс называется «Очерки язычества и христианства» [10]. Талантливый и рано ушедший из жизни историк прекрасно излагает тот страшный перелом в умственном и нравственном мирозерцании человечества, который совершался на рубеже двух миров – древнего и нового. Европейские историки Т. Моммзен и Э.Гиббон – более однозначны в оценке переломной эпохи. Им вторит А. Тойнби – английский историк и гуманист, часто нами цитируемый: *«В конце концов эллинистический мир был обращен в религию еврейского происхождения»*. [16]

Российский историк Ф.И. Успенский (тоже часто нами цитируемый) подчеркивает сложность и длительность процесса религиозной трансформации античного мира: *«Приверженцы старой веры далеко не без борьбы уступили место христианскому культу, и в то время, как христианство было уже господствующим вероисповеданием, язычество до VI в. держалось еще в некоторых провинциях. Итак, на вопрос, отчего пал*

древний мир, нельзя удостовериться ответом: от распространения христианства». [17]

Русский философ истории Л.П. Карсавин ищет причины крушения Римской империи в резком ослаблении психики Римского общества (практически, почти по Л.Гумилеву – резкое падение пассионарности): *«Состояние психики римского общества характеризуется понижением напряженности и энергии жизни, что выражается в утрате эмоционально-волевого значения и познавательной доступности идей государства, общества, материальной и духовной культуры. Но эта атония только одна сторона процесса. Другая, по существу с ней тождественная, заключается в уходе личности в себя, в индивидуализации и самозамыкании её, и не в самоуглублении «коллективной личности», а в индивидуализации личностей, разлагающих этим коллективное единство». [11]*

Ему вторит Ф.И. Успенский: *«Недостаток духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху падения древнего мира – от Августа до конца III века. В государственном праве и администрации, в литературных произведениях, в хозяйственной деятельности – везде обнаруживается неподвижность, подражание унаследованным образцам и отсутствие живой, прогрессирующей и руководящей идеи». [17]*

Но далее, Успенский опровергает предыдущее свое утверждение, говоря о том, что *«Нынешние итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно, потомки старых римлян, но они и не германские готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т.е. романизованные, германцы... разлагающийся якобы Рим императорской эпохи заключал в себе громадный запас жизненных сил, это видим из того, что новые народы не выказали сопротивления культурному римскому влиянию, и все были увлечены потоком романизации». [17]*

Мы бы оценили переходный период Западной Римской империи к созданию варварских королевств Европы, как сложный синкретический процесс пространственно временного взаимодействия «старых» и «новых» этносов на фоне интенсивного формирования новой мировой религии – христианства, не исключая сильного влияния кардинально изменяющихся общественно-производственных отношений.

И здесь мы переходим к давно ожидаемому выводу, что рассматриваемый античный период европейской истории потребует, как минимум еще одного очерка, где необходимо рассмотреть (хотя бы в общих чертах) культуру Древней Греции и Древнего Рима, включая религии и распространенные культы, знаменитое и уникальное римское право, представляющее собой истоки и фундамент большинства правовых систем современности, искусство и науку, хозяйство и производственные отношения, торговлю, дороги и морские коммуникации. И мы еще ни слова не сказали о греческой и римской философии...

Наследие античного мира (Рим и Греция) продолжает жить в духе и букве закона современной Европы, питает её культуру, искусство, философию, науку и религию, архитектуру, спорт и туризм, дипломатию и повседневную жизнь большинства граждан современных европейской стран, как, впрочем, стран Северной и Южной Америки, Азии, Австралии, Африки и Океании. Но об этом мы будем говорить уже в следующем очерке – втором очерке античного мира Европы. И, похоже, что краткий наш обзор истории Европы, включая настоящее и контуры будущего, начинает превращаться в серию кратких очерков, связанных последовательной хронологией и единым замыслом автора, который, по-видимому, прояснится окончательно только в очерке завершающем. Там, где будут проявлены и осмыслены контуры грядущей Европы – 20-х и 30-х годов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2- изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 266 с.

2. Винобер А.В. История Византийской империи: уроки для России (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. – 1. – С. 99-113
3. Винобер А.В. Новая и новейшая история России: 1861-2038 гг. (опыт историко-футурологического анализа и прогноза) / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. - 2. - С. 111-140
4. Виппер Р.Ю. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Ростов-на-Дону. Феникс, 1995. - 483 с.
5. Виппер Р.Ю. Избранные сочинения в двух томах. Том 2. Очерки по истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство. Ростов-на-Дону. Феникс, 1995. - 483 с.
6. Геродот. История. М.: Эксмо, 2008. - 704 с.
7. Гете И.В. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
8. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1994. – 526 с.
9. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. Кн. 1 3500 г. до Р.Х. – 1400 г. от Р.Х. – М.: Полигон, 1997.
10. Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 1. Издание К.Солдатенкова. - М.: 1870. – 577 с.
11. Карсавин Л.П. Культура средних веков. – Киев: Символ & AirLand, 1995. – 208 с.
12. Левек П. Эллинистический мир. Пер. с франц. – М.: Наука, 1989. – 252 с.
13. Моммзен Т. История Рима. Т. 1.-5. - Санкт-Петербург : Наука : Ювента, 1994. - 732 с.
14. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. – М.: Наука, 1996. – 348 с.
15. Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 504 с.
16. Тойнби А. Дж. Постыжение истории. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
17. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
18. Фукидид. История. В 2 Т. - София: Пролог, 1994.
19. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима. Пер. с нем. – М.: Мысль, 1992. – 270 с.
20. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. – М.: Правда, 1991. – 560 с.

A.V.Vinober
*«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia*

EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE FIRST ESSAY

In the another essay of historical and futurological analysis (see previous: "History of the Byzantine Empire: lessons for Russia (experience of historical and futurological analysis and forecast)" and "New and recent history of Russia: 1861-2038 (experience of historical and futurological analysis and forecast)" the author set, as he notes, a supertask. But important to start. As a cheeky take on the elusive eternity. Ancient Greece and Ancient Rome. These are the main sources of the history of Europe and its modernity. The author assesses the transition period of the Western Roman Empire to the creation of the barbarian kingdoms of Europe as a complex syncretic process of space – time interaction of "old" and "new" ethnic groups against the background of intensive formation of a new world religion-Christianity, not excluding strong influence, radically changing social and industrial relations.

Key words: history of Europe, Ancient Greece, Ancient Rome, ancient world.

Поступила в редакцию 15 мая 2018